

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ В „КОЛОКОЛЕ“

«Колокол» выходил под девизом «Vivos voco» («Зову живых»). В передовой статье, открывавшей первый его номер (22 июня 1857 г.), Герцен писал: «Обращаемся ко всем соотечественникам, делишим нашу любовь к России, и просим их не только слушать наш «Колокол», но и самим звонить в него».

Это обращение имело большой успех. Время было бурное. Ведь в центре того десятилетия, в течение которого издавался «Колокол», стоят 1859—1861 годы, вошедшие в русскую историю как годы революционной ситуации. Умы были возбуждены, страсти накалены. В этих условиях отсутствие в России свободной гласности было нестерпимо, и естественно, что когда за рубежом появилась вольная русская газета, в нее хлынул всякими путями поток корреспонденций со всех концов России.

Эти сообщения с мест, острые, злободневные и нередко блестяще отредактированные самим Герценом, составляли — помимо его собственных статей, а также статей его друга и соратника Огарева — главное содержание «листов» (номеров) «Колокола» и много способствовали его популярности среди читающей России тех знаменательных лет.

Большая часть тиража «Колокола» (2.500—3.000 экз., при двукратном выходе в месяц и при объеме в восемь больших страниц) в порядке «обратного» потока — и тоже самыми разнообразными путями — проникла в Россию.

Своими разоблачительными материалами и заметками «Колокол» приволил в страх и трепет помещиков-крепостников, чиновников-мздоимцев, царских министров. С другой стороны ему рукоплескало все передовое в русском обществе. «Искандер», — читаем в дневнике одной современницы, — «теперь властитель наших дум, предмет разговоров... «Колокол» прятут, но читают все... Его боятся и им восхищаются... И имеем мы теперь две цензуры и как бы два правительства, и которое строже — трудно сказать».

Правительство Александра II пыталось бороться с распространением «Колокола» и других герценовских изданий. В июне 1859 года в Париж был командирован управляющий III отделением А. Е. Тимашев (из оренбургских помещиков, позднее — министр внутренних дел) для принятия мер против проникновения изданий Герцена из Англии на континент и оттуда в Россию. По этому поводу Герцен писал в «Колоколе» (лист 47 от 4 июля 1859 г.):

«Тимашев, генерал от III отделения, посетил Париж, где был принят с подобающим почетом, только не русскими путешественниками, а французскими блюстителями порядка и молчания, у которых он успешно хлопотал о запрещении наших изданий. Говорят, что свою ученую прогулку генерал от III отделения продолжит до Лондона. Ну здесь-то к кому он обратится? Страна безобразная, ни цензуры, ни корпуса жандармов, ни каземат... — чтобы остановить колокольный звон по случаю вождельного приезда его превосходительства».

Заметка кончалась выражением уверенности, что в данном случае служебно-полицейское усердие Тимашева подогрелось его личной неприязнью к «Колоколу», сведением с ним личных счетов: «Все это усердие — от нашей статьи о том, как братья Тимашевы освободили своих крестьян без земли, помещенной в 38 листе».

А в 38-м листе «Колокола» (от 15 марта 1859 г.) сообщалось следующее:

«У Тимашева есть родной брат оренбургский помещик, и обим этим братьям принадлежало нераздельно 700 душ крестьян при 25.000 дес. земли в Оренбургской губернии. Как люди, посвященные в тайны тайной полиции, Тимашевы могли благовременно узнать о предстоящем освобождении крестьян и принять свои меры для изгнания крестьян из своих владений. С этой целью они убедили их выкупиться и составили для них отпускные без земли... По условию, крестьяне обязаны были, кроме суммы выкупа, платить до новой ревизии прежний крестьянский подушный оклад. Так прошло два года, и они жили себе на тех же землях, мирно занимаясь хлебопашеством. Через два года оренбургский брат жандармского Тимашева потребовал выселения этих крестьян; полиция явилась к услугам, и крестьяне были изгнаны!»

В 48 номере «Колокола» (от 15 июля 1859 г.) Герцен поместил вторую заметку о приезде Тимашева в Париж, в которой снова писал о личных мотивах его «усердия»:

«Жаль, что к этому порывистому усердию приешивается личность, — и в этом мы виноваты. Нужно, в самом деле, было нам помешать в «Колоколе» о том, как братья Тимашевы уговорили откупиться 700 душ в Оренбургской губернии без земли. Во-первых, зачем душе земля, а потом — что же за важность, что братья Тимашевы прогнали мужиков и пустили их по миру, — в России не нехристи живут, подадут где-нибудь ломтик хлеба, и много ли в сущности прибавится к массе крестьян, разоренных вконец благородным российским дворянством, сей верной опорой престола, от 700 душ, да еще оренбургских. О чем же было тут печатать? Вот за то «Колоколу», вот за то «Полярной звезде»».

Были в «Колоколе» и другие оренбургские материалы. Так, в 16 номере (от 1 июня 1858 г.) была помещена ироническая заметка по поводу «реформы» оренбургского кадетского корпуса, проведенной генерал-губернатором Катениным в духе сословной дискриминации. Заметка была озаглавлена «Киргиз-кайсацкое местничество в науке и в Оренбурге» и хотя не имеет подписи, однако, судя по характерным особенностям стиля, была написана, несомненно, самим Герценом. Вот ее текст:

«Из военной рассадницы взлетевшей императором Николаем, вышла целая лейб-ширинга молодых генералов, играющих важные роли, назначенных к еще большим и потому имеющих полное право на перекличку в «Колоколе».

Главная отличительная черта их состоит в том, что они не участвовали в Крымской войне или участвовали в ней по мирной части.

Выращенные, выпрямленные, застегнутые и пущенные на свет Николаем, эти неогатчинские воины мира, эти якобинцы шагистики, эти Клейнмихелья под разными названиями — Катениных, Герстенцевых, Тимашевых, эти люди консерватизма, строя, погончиков и петличек прикинулись реформаторами. Катенин—Лютер! Тимашев—Гус! Кто во что горазд, тот то и улучшает... пекутся о цивилизации, об эманципации, распространяют свет, строятся в уровень века, чувствуют силу новых идей. Эпоха возрождается да и только! Вот вам образчик.

«Аугсбургская газета» от 2 мая рассказывает о радикальном улучшении кадетского корпуса в Оренбурге. Прежде кадетский корпус состоял из двух классов, в которых учение было почти одинаково, и ученик в тот или другой вступал по желанию. Но генерал-губернатор Катенин иначе рассудил дело и для того, чтобы поставить на современную точку образования оренбургский кадетский корпус, велел в одном батальоне принимать только из родовых дворян и учить их больше, а в другой принимать всякую всячину и учить меньше!.. А сколько классов в сумасшедшем доме?»

В 1855—58 годах было восстание казахов под руководством Исета Кутибарова, направленное против колониальной политики царизма. Восстание началось еще при Перовском и закончилось при Катенине, будучи жестоко подавлено карательными экспедициями. Сведения о нем проникли в ту же «Аугсбургскую газету», но «Колокол» существенно дополнил ее: «Жаль, что она не сообщила страшной истории — почему Исет Кутибаров откочевал к хивинской границе. Со времен ветхозавет-

ных войн или монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузмина и майора Дерышева, которым заправлял (еще при Перовском), сидя в своей канцелярии, бывший помощник Липранди—Григорьев. Этот кровавый эпизод еще ждет описания». (В. В. Григорьев, известный ориенталист и реакционер, был в то время председателем Оренбургской пограничной комиссии, а Липранди — крупный полицейский чиновник).

Ввиду огромного количества материалов, поступающих в «Колокол», в 1859—62 гг. стали издаваться дополнительные к нему листы под характерным заголовком «Под суд!» Всего этих листов вышло 13, из них два заполнены оренбургским материалом.

На территории Оренбургской губернии (в ее тогдашних пределах) было много крепостных крестьян (до 45.000), работавших на горных заводах и подвергавшихся жесточайшей эксплуатации и издевательствам со стороны заводоладельцев, из которых наиболее злостными были Пашков, Сухожанет (брат военного министра), Подъячев, Зажлуский и др. Злоупотребления на их заводах были столь вопиющими, что стали предметом секретной переписки между Катениным и министром внутренних дел Ланским. Переписка эта, разумеется, не имела положительных для крестьян результатов, но она была сообщена кем-то Герцену и опубликована в № 3 «Под суд!» со следующим примечанием от редакции:

«По докладу Ланского государь приказал послать одного из флигель-адъютантов; но Катенин вовремя опомнился, что ссориться с Пашковым и Сухожанетом нельзя. Ланской съездил во дворец с другим докладом и дело устроили так, что флигель-адъютант остался в

Петербурге, какому-то местному чиновнику поручили следствие только о заводах Подъячева. А Зажлуский по-прежнему морит голодом, Пашков по-прежнему грабит, Сухожанет по-прежнему засекает крестьян, и крестьяне, быть может, не имеют даже утешения знать, что министр внутренних дел «осмелился» или «имел счастье» довести о их положении до высочайшего сведения».

В № 4 «Под суд!» (от 15 января 1860 г.) под заголовком «Дело плантатора Жадовского в Оренбургской губернии» была опубликована на десяти страницах «Краткая записка о системе управления крестьянами сельца Анастаскина, составленная старшим чиновником особых поручений V класса при Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе коллежским ассесором Поповым».

Судя по стилю записки, злодеяния Жадовского возмутили даже повествовавшего о них чиновника, который в отличие от чеховского коллежского секретаря, не поставившего за сорок лет службы ни одного восклицательного знака, не поспешил в своем изложении на этот «эмоциональный» знак препинания. Комментарии, как говорится в подобных случаях, были излишни, и публикация этой записки не была сопровождена какими-либо замечаниями от редакции.

«Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчанье было нарушено». Так писал В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена», опубликованной полвека назад в связи с исполнившейся тогда столетней годовщиной рождения великого русского писателя-революционера.

Н. ПРЯНИШНИКОВ.